

УДК 377/378

DOI: 10.34670/AR.2026.95.99.051

Историографический аспект формирования понятия «устойчивость к информационно-психологическому воздействию»

Кокшин Денис Юрьевич

Соискатель ученой степени кандидата наук,
Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского
и Ю.А. Гагарина» в г. Челябинске,
454015, Российская Федерация, Челябинск, ул. Горького, 73;
e-mail: koks7488@inbox.ru

Уварина Наталья Викторовна

Доктор педагогических наук, профессор,
кафедра подготовки педагогов
профессионального обучения и предметных методик,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
454080, Российская Федерация, Челябинск, пр. Ленина, 69;
e-mail: nuvarina@yandex.ru

Аннотация

В статье обосновывается необходимость разграничения истории феномена информационно-психологического воздействия и истории научного понятия. Автор утверждает, что, хотя отдельные практики манипуляции сознанием известны с древности, формирование систематизированного научного знания об информационно-психологическом воздействии начинается только в XX веке – в связи с опытом мировых войн, развитием кибернетики и социальной психологии. Ключевыми этапами становления понятия в России определены труды Г.А. Ковалева, А.Г. Караяни, принятие Доктрины информационной безопасности 2000 года, а также современные работы Е.В. Булавиной, предложившей четырехкомпонентную модель устойчивости личности (ценностно-смысловой, когнитивный, эмоционально-волевой и поведенческий компоненты). На основе историографического анализа выделены три системных направления для дальнейших исследований. Во-первых, требуется переход от теоретических моделей к формализованной, воспроизводимой системе формирования устойчивости к информационно-психологическому воздействию, интегрируемой в образовательные и профессиональные среды. Во-вторых, необходимо создание интегрального диагностического инструментария, позволяющего валидизированно оценивать устойчивость как целостное свойство личности, а не ее отдельные корреляты. В-третьих, актуальной задачей выступает систематизация организационно-педагогических условий – конкретных форм, методов и средств, эффективных для целенаправленного развития

защитных механизмов. Решение этих задач призвано преодолеть разрыв между теоретическими конструктами и практическими потребностями обеспечения информационно-психологической безопасности личности в условиях современных цифровых угроз.

Для цитирования в научных исследованиях

Кокшин Д.Ю., Уварина Н.В. Историографический аспект формирования понятия «устойчивость к информационно-психологическому воздействию» // Педагогический журнал. 2026. Т. 16. № 5А. С. 390-399. DOI: 10.34670/AR.2026.95.99.051

Ключевые слова

Информационно-психологическое воздействие, устойчивость к информационно-психологическому воздействию, история понятия, историография, психологическая безопасность личности, формирование устойчивости, организационно-педагогические условия, четырехкомпонентная модель Е.В. Булавиной.

Введение

В условиях глобального информационного противостояния и распространения концепции «гибридных войн» проблема защиты личности от деструктивного информационно-психологического воздействия приобретает принципиальное значение. Однако анализ научной литературы обнаруживает системную методологическую трудность: нередко происходит смешение истории явления (практик воздействия на сознание, известных с древности) и истории научного понятия (термина и теоретической модели). Это приводит к неоправданному удревнению термина «информационно-психологическое воздействие» и размыванию критериев научной строгости.

Цель исследования – на основе историографического анализа эволюции понятия «информационно-психологическое воздействие» в отечественной и зарубежной науке определить основные этапы его концептуализации, современное состояние (на примере четырехкомпонентной модели устойчивости) и выявить актуальные направления для дальнейших исследований.

Задачи исследования:

- Обосновать методологическое разграничение истории явления и истории понятия информационно-психологического воздействия.
- Выделить ключевые этапы формирования научного понятия с середины XX века по 2025 год.
- Проанализировать эволюцию теоретических моделей – от изучения внешнего воздействия к концепциям психологической устойчивости личности.
- Сформулировать системные направления дальнейшего изучения устойчивости к информационно-психологическому воздействию.

Научная новизна заключается в системном историографическом обзоре, который фиксирует переход от разрозненных представлений о пропаганде и психологической войне к интегративной четырехкомпонентной модели информационно-психологической устойчивости (Е.В. Булавина), а также в выделении трех приоритетных направлений для последующих исследований (разработка формализованной системы формирования устойчивости,

интегрального диагностического инструментария и организационно-педагогических условий).

Практическая значимость работы состоит в том, что выявленные направления (формирование устойчивости, диагностика, педагогические условия) создают основу для перехода от теоретических моделей к конкретным методикам и образовательным программам, направленным на защиту личности в цифровой среде.

Материалы и методы исследования

Исследование опирается на анализ научных и нормативных источников, охватывающих период с начала XX века по 2025 год. В их числе: классические труды по пропаганде и психологической войне (У. Липпман, Э. Бернейс, Г. Лассуэлл, П. Лайнбарджер), фундаментальные работы отечественных авторов (Г.А. Ковалев, А.Г. Караяни, Ю.П. Зинченко, Т.С. Кабаченко, Г.В. Грачев, Е.Л. Доценко, Е.Г. Баранов, Т.М. Краснянская, В.Г. Тылец, Е.В. Булавина), а также ключевые нормативные документы – Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (2000 и 2016 годов).

В соответствии с поставленной целью применялись:

- историко-генетический метод (прослеживание эволюции термина и теоретических моделей);
- сравнительно-сопоставительный анализ (выявление различий между этапами развития понятия);
- систематизация и классификация (выделение структурных компонентов современных моделей устойчивости);
- проблемно-ориентированный анализ (формулирование нерешенных задач на основе выявленных пробелов).

Такой методологический подход позволяет не просто описать историю вопроса, но и отделить историю эмпирических практик (военные хитрости, слухи, пропаганда) от истории научного понятия, что является принципиальным условием строгости исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде чем перейти к анализу эволюции научных представлений об устойчивости к информационно-психологическому воздействию, необходимо сделать одно принципиальное методологическое уточнение. В литературе нередко можно встретить утверждения, что информационно-психологическое воздействие известно с глубокой древности. Действительно, римские полководцы прибегали к распространению ложных слухов о своей армии, монгольские лазутчики целенаправленно запугивали противников рассказами о жестокости завоевателей, а в трактатах Сунь-Цзы и Макиавелли подробно описывались приемы военной хитрости и обмана. Однако из этого факта не следует, что само понятие «информационно-психологическое воздействие» существовало в античные или средневековые времена. Смешение истории явления (практик воздействия на сознание и психику) и истории понятия (термина, теоретической модели, закрепленной в научном дискурсе) является распространенной, но методологически неверной позицией.

До начала XX века, а в значительной степени и до Второй мировой войны, не существовало не только устоявшегося термина «информационно-психологическое воздействие», но и сколько-нибудь систематизированного научного знания о механизмах, формах и последствиях

такого влияния. Отдельные философские и военно-теоретические идеи – например, платоновское учение о трех частях души, аристотелевское понятие «фронесис» или суворовское внимание к «духу войска» – безусловно, закладывали предпосылки для будущих теорий. Однако они не образовывали самостоятельной области исследования и не вводили специальной терминологии. Практики обмана, пропаганды и психологического давления оставались частью полководческого искусства, риторики или житейской мудрости, но не становились объектом научной рефлексии.

Таким образом, историю развития понятия информационно-психологического воздействия следует отсчитывать не от древних военных хитростей, а от того момента, когда это явление было осознано как самостоятельный, требующий теоретического анализа феномен. Такой момент наступает только в XX веке – сначала в связи с опытом мировых войн и зарождением психологической войны как институционализированной практики (П. Лайнбарджер, 1948), затем благодаря развитию кибернетики, теории информации и социальной психологии, и, наконец, в конце 1990-х – начале 2000-х годов, когда в российской науке и законодательстве (Доктрина информационной безопасности 2000 года) закрепляется сам термин «информационно-психологическое воздействие».

Следовательно, при проведении историографического анализа необходимо четко разделять два уровня: уровень эмпирических практик (военные хитрости, пропаганда, слухи, манипуляции), которые действительно существуют тысячелетиями, и уровень научного понятия, которое формируется только в XX–XXI веках. Их отождествление ведет к неоправданному удревнению термина и размыванию критериев научной строгости. В рамках данного исследования под историей понятия информационно-психологического воздействия понимается исключительно второй уровень – эволюция терминов, теоретических моделей и концептуальных подходов, зафиксированных в научной и нормативной литературе. Соответственно, отсчет этой истории начинается с работ середины XX века и завершается современными четырехкомпонентными моделями устойчивости к такому воздействию, в том числе моделью, предложенной Е.В. Булавиной.

Именно Первая мировая война актуализировала проблему целенаправленного воздействия на массовое сознание. По заказу правительства США известный журналист Уолтер Липпман и психолог Эдвард Бернейс разработали методы формирования общественного мнения, необходимые для обеспечения поддержки вступления страны в войну. Липпман в 1922 году предложил концепцию «стереотипа», показав, что создаваемыми стереотипами можно манипулировать, закладывая основы для будущих теорий пропаганды и психологической войны. В конце 1920-х годов выходит знаменитая книга Гарольда Лассуэлла «Техника пропаганды в мировой войне», которая заложила фундамент западной теории массовой коммуникации. В 1928 году публикуется работа Э. Бернейса «Пропаганда», где была предпринята одна из первых попыток анализа механизмов управления массовым сознанием. Эти труды на десятилетия определили вектор исследований в области информационно-психологического воздействия.

Опыт Второй мировой войны, где средства массовой информации превратились в мощное международное оружие, привел к появлению нового термина – «психологическая война». Именно в этот период была осознана необходимость не только наступательных, но и оборонительных мер, что породило интерес к методам пропаганды противника и способам противодействия. В период Холодной войны научный интерес к пропаганде еще более возрос [Данилова, 2011].

Наиболее глубокий научный анализ самого феномена психологического воздействия был выполнен в 1991 году в докторской диссертации Г.А. Ковалева, который, по мнению специалистов, заложил теоретические основы этого понятия, сформулировал базовые положения, определяющие его сущность [Ковалев, 1991]. В своей работе Г.А. Ковалев объединил понятия «психологическое воздействие» и «психологическое влияние». Он определил это явление как процесс, осуществляющий регуляцию (и саморегуляцию) активности взаимодействующих систем, каковыми являются психика человека, группы людей или общества. Ключевой характеристикой он считал диалогичность воздействия – предоставление человеку права и времени для ответа на внешнее влияние.

В 1997 году выходит учебное пособие А.Г. Караяни «Информационно-психологическое противоборство в современной войне», где он анализирует теорию и практику этого феномена как самостоятельного средства достижения политических и военных целей. А.Г. Караяни обобщил множество фактов и мнений, а также классифицировал явления, составляющие суть информационно-психологического противоборства. Эта работа заложила основы для изучения проблемы именно с позиций активной психологической защиты [Караяни, 1997].

Важным шагом стал выход в 2000 году учебника Т.С. Кабаченко, которая определила психологическое воздействие как «изменения психологических характеристик личности, групповых норм, общественного мнения или настроения за счет использования психологических, социально-психологических закономерностей». Особый интерес в контексте становления понятия представляет разработанная Т.С. Кабаченко классификация методов психологического воздействия, в которой были выделены три группы «мишеней» - психических образований, подлежащих изменению: побудители активности, регуляторы активности и психические состояния. С этого момента в отечественной науке начинает активно разрабатываться именно категория «информационно-психологического воздействия» [Кабаченко, 2000]. Ключевой вехой стало принятие Доктрины информационной безопасности Российской Федерации в 2000 году, где информационно-психологическое воздействие впервые было зафиксировано на государственном уровне как реальная угроза национальной безопасности (Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утратила силу) / Российская газета, 2000. – № 187). Именно в этом документе впервые выделялись угрозы информационно-психологического воздействия, которые могли идентифицироваться как угрозы гуманитарной составляющей информационной безопасности. В Доктрине было официально зафиксировано, что спецслужбы ряда стран все чаще используют информационно-психологическое воздействие для дестабилизации внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира, что приводит к подрыву суверенитета государств. Принятие этого документа не только легитимизировало термин, но и придало ему статус официального научно-правового понятия.

В 2003 году выходит фундаментальная монография Г.В. Грачева «Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита» [Грачев, 2003]. Грачев определяет манипулирование людьми как основную угрозу и подчеркивает, что ведущим направлением обеспечения безопасности является система психологической защиты личности, включающая социальный, социально-групповой и индивидуально-личностный уровни. Одновременно с этим Е.Л. Доценко вводит важную метафору, отмечая, что «всякое психологическое воздействие с неизбежностью означает вступление на чужую психологическую территорию» [Доценко, 2003]. Эти работы создали теоретический фундамент для перехода от изучения самого воздействия к поиску средств противодействия ему.

Само словосочетание «информационно-психологическое воздействие» как устойчивый термин начинает активно использоваться в российской науке и правовой практике с рубежа XX–XXI веков. Свой вклад в его концептуализацию внесла работа Р. Махкамова «Информационно-психологическое воздействие: истоки происхождения и сущность понятия», опубликованная в 2004 году в журнале «Евразийское сообщество» [Махкамов, 2004], где автор прослеживал генезис понятия и уточнял его терминологические границы.

В 2007 году был издан фундаментальный учебник А.Г. Караяни и Ю.П. Зинченко «Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика» [Караяни, Зинченко, 2007], обобщивший многолетний опыт и теоретические исследования в этой области. Впоследствии данное понятие прочно вошло в научный дискурс и активно использовалось в работах многих исследователей.

В 2010-е годы, в условиях обострения глобального информационного противостояния и распространения концепции «гибридных войн», происходит дальнейшее уточнение терминологии. В это время исследования концентрируются на личности как субъекте информационной безопасности. Т.М. Краснянская и В.Г. Тылец исследуют классификацию угроз информационно-психологической безопасности, подразделяя их на угрозы сознанию, эмоциональной и познавательной сфере. Они определяют информационно-психологическую безопасность как состояние, сохраняемое личностью в условиях неблагоприятных информационных воздействий, подчеркивая роль когнитивных, эмоциональных и регуляторных механизмов [Краснянская, Тылец, 2020].

В обновленной Доктрине (Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. N 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации"/Собрание законодательства РФ, 2016. – № 50. – Ст. 7074) информационной безопасности Российской Федерации 2016 года понятие информационно-психологического воздействия сохранилось и было конкретизировано применительно к новым вызовам. В документе отмечалось, что иностранные государства продолжают использовать средства оказания информационно-психологического воздействия, направленные на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации, а также на подрыв суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации. В этот же период были введены законодательные нормы, предусматривающие уголовную ответственность за распространение ложной информации и оправдание терроризма, что также указывает на осознание государством серьезности деструктивного информационно-психологического воздействия.

Е.Г. Баранов в работе 2017 года [Баранов, 2017] проводит глубокий теоретический анализ категории информационно-психологического воздействия и приходит к важнейшему выводу о его двойственной природе: оно может быть манипулятивным, создающим нестойкие психические образования, и развивающим, формирующим устойчивые ценностно-смысловые структуры личности.

Завершающим этапом развития понятия становится интеграция разрозненных подходов в целостную модель информационно-психологической устойчивости личности. В работе Е.В. Булавиной «Развитие информационно-психологической устойчивости обучающихся образовательных организаций МВД России» [Булавина, 2026] это понятие определяется как «многоуровневое личностное образование, не сводимое к отдельным навыкам критической оценки информации». Модель включает четыре структурных компонента:

- Ценностно-смысловой – центральный и системообразующий элемент, обеспечивающий сохранение целостности Я, профессиональной идентичности и нравственных

ориентиров в условиях информационного давления.

- Когнитивный – способность к критическому анализу, сопоставлению и верификации информации, отделению фактов от оценок.
- Эмоционально-волевой – устойчивость к аффективным и стрессогенным факторам, способность сохранять самообладание и выдержку.
- Поведенческий – предложенный Булавиной в качестве объективного индикатора успешной переработки информации; проявляется в корректировке коммуникативных стратегий и сохранении нормативного поведения.

Проведенный анализ показывает магистральный вектор современной психологии: от изучения внешних угроз к созданию системы внутренних ресурсов и механизмов самозащиты человека. Однако на основе историографического обзора выделяются три системных направления, требующих дальнейшего изучения.

Первое направление – разработка не просто теоретической модели, а формализованной, воспроизводимой системы формирования устойчивости, интегрируемой в различные образовательные и профессиональные среды.

Второе направление – создание интегрального диагностического инструментария, который позволяет получить валидизированную оценку устойчивости как целостного свойства личности, учитывая все четыре компонента модели.

Третье направление – систематизация организационно-педагогических условий: конкретных, воспроизводимых форм, методов и средств, необходимых и достаточных для целенаправленного формирования устойчивости.

Заключение

Проведенное исследование позволило:

- Обосновать необходимость четкого разграничения истории явления и истории научного понятия информационно-психологического воздействия, что предотвращает методологически неверное удревнение термина.
- Выделить ключевые этапы формирования понятия: зарождение в первой половине XX века (Лассуэлл, Бернейс, Липпман) → концептуализация в отечественной науке 1990–2000-х годов (Ковалев, Караяни, Кабаченко) → институционализация через Доктрину информационной безопасности (2000) → уточнение в 2010-е годы (Краснянская, Тылец, Баранов) → современная интегративная модель устойчивости (Булавина, 2025).
- Показать эволюцию теоретических подходов: от изучения внешнего пропагандистского воздействия к анализу двойственной природы (манипулятивной и развивающей) и затем к четырехкомпонентной модели внутренней устойчивости личности.
- Сформулировать три системных направления дальнейших исследований: разработка формализованной системы формирования устойчивости, интегрального диагностического инструментария и организационно-педагогических условий.

Дальнейшая работа должна быть сосредоточена на переходе от корреляционных исследований к активным экспериментальным схемам, на валидации диагностического инструментария, на адаптации методов к современным цифровым угрозам, а также на преодолении разрыва между теоретическими моделями и практическими потребностями в защите личности в образовательных и профессиональных средах. Решение этих задач позволит завершить переход от истории понятия к технологиям его практического применения.

Библиография

1. Баранов Е.Г. Информационно-психологическая устойчивость личности: сущность и психологическое содержание // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 58–64.
2. Булавина Е.В. Развитие информационно-психологической устойчивости обучающихся образовательных организаций МВД России: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06. – СПб., 2026. – 203 с.
3. Грачев Г.В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. – М.: Когито-Центр, 2003. – 304 с.
4. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. – М.: Добросвет; КДУ, 2011. – 346 с.
5. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: Речь, 2003. – 304 с.
6. Кабаченко Т.С. Психология управления. – М.: Педагогическое общество России, 2000. – 384 с.
7. Караяни А.Г. Информационно-психологическое противоборство в современной войне. – М.: Военный университет, 1997. – 64 с.
8. Караяни А.Г., Зинченко Ю.П. Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2007. – 172 с.
9. Ковалев Г.А. Психологическое воздействие: теория, методология, практика: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. – М., 1991. – 472 с.
10. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Методологические подходы к исследованию информационно-психологической безопасности // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2020. – № 5. – С. 54–61.
11. Махкамов Р. Информационно-психологическое воздействие: истоки происхождения и сущность понятия // Евразийское сообщество. – 2004. – № 3. – С. 83–89.

Historiographical Aspect of the Formation of the Concept of "Resistance to Information-Psychological Impact"

Denis Yu. Kokshin

Degree-Seeking Candidate of Sciences,
Branch of the Military Educational and Scientific Center of the Air Force
"Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky
and Yu.A. Gagarin" in Chelyabinsk,
454015, 73, Gor'kogo str., Chelyabinsk, Russian Federation;
e-mail: koks7488@inbox.ru

Natal'ya V. Uvarina

Doctor of Pedagogy, Professor,
Department of Training Teachers of Vocational Education and Subject Methodologies,
South Ural State Humanitarian Pedagogical University,
454080, 69, Lenin ave., Chelyabinsk, Russian Federation;
e-mail: nuvarina@yandex.ru

Abstract

The article substantiates the need to distinguish between the history of the phenomenon of information-psychological impact and the history of the scientific concept. The author argues that, although individual practices of consciousness manipulation have been known since antiquity, the formation of systematized scientific knowledge about information-psychological impact begins only in the 20th century – in connection with the experience of world wars, the development of

cybernetics and social psychology. The key stages in the formation of the concept in Russia are determined by the works of G.A. Kovalev, A.G. Karayani, the adoption of the Information Security Doctrine of 2000, as well as the contemporary works of E.V. Bulavina, who proposed a four-component model of personal resistance (value-semantic, cognitive, emotional-volitional, and behavioral components). Based on the historiographical analysis, three systemic directions for further research have been identified. Firstly, a transition is required from theoretical models to a formalized, reproducible system for forming resistance to information-psychological impact, integrated into educational and professional environments. Secondly, it is necessary to create integral diagnostic tools that allow for a validated assessment of resistance as a holistic property of the personality, rather than its individual correlates. Thirdly, an urgent task is the systematization of organizational and pedagogical conditions – specific forms, methods, and means effective for the purposeful development of protective mechanisms. The solution of these tasks is intended to bridge the gap between theoretical constructs and the practical needs of ensuring the information-psychological security of the individual in the context of modern digital threats.

For citation

Kokshin D.Yu., Uvarina N.V. (2026) Istoriograficheskiy aspekt formirovaniya ponyatiya "ustoychivost' k informatsionno-psikhologicheskomu vozdeystviyu" [Historiographical Aspect of the Formation of the Concept of "Resistance to Information-Psychological Impact"]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 16 (5A), pp. 390-399. DOI: 10.34670/AR.2026.95.99.051

Keywords

Information-psychological impact, resistance to information-psychological impact, history of the concept, historiography, psychological security of the personality, formation of resistance, organizational and pedagogical conditions, four-component model of E.V. Bulavina.

References

1. Baranov, E.G. (2017). Informatsionno-psikhologicheskaya ustoychivost lichnosti: sushchnost i psikhologicheskoye soderzhanie [Information-psychological resilience of personality: Essence and psychological content]. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya*, 10(1), 58–64.
2. Bulavina, E.V. (2026) Razvitiye informatsionno-psikhologicheskoy ustoychivosti obuchayushchikhsya obrazovatelnykh organizatsiy MVD Rossii [Development of information-psychological resilience in students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia] [Candidate's dissertation]. Saint Petersburg.
3. Danilova, A.A. (2011). Manipulirovaniye slovom v sredstvakh massovoy informatsii [Word manipulation in the media]. Dobrosvet; KDU.
4. Dotsenko, E.L. (2003). Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita [Psychology of manipulation: Phenomena, mechanisms and protection]. Rech.
5. Grachev, G.V. (2003). Lichnost i obshchestvo: informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost i psikhologicheskaya zashchita [Personality and society: Information-psychological security and psychological protection]. Kogito-Tsentr.
6. Kabachenko, T.S. (2000). Psikhologiya upravleniya [Psychology of management]. Pedagogicheskoye obshchestvo Rossii.
7. Karayani, A.G. (1997). Informatsionno-psikhologicheskoye protivoborstvo v sovremennoy voyne [Information-psychological warfare in modern war]. Military University.
8. Karayani, A.G., & Zinchenko, Yu.P. (2007). Informatsionno-psikhologicheskoye protivoborstvo v voyne: istoriya, metodologiya, praktika [Information-psychological warfare in war: History, methodology, practice]. Lomonosov Moscow State University.
9. Kovalev, G.A. (1991). Psikhologicheskoye vozdeystviye: teoriya, metodologiya, praktika [Psychological influence: Theory, methodology, practice] [Doctoral dissertation]. Moscow.
10. Krasnyanskaya, T.M., & Tylets, V.G. (2020). Metodologicheskiye podkhody k issledovaniyu informatsionno-

-
- psikhologicheskoy bezopasnosti [Methodological approaches to the study of information-psychological security]. Nauchnyye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, (5), 54–61.
11. Makhkamov, R. (2004). Informatsionno-psikhologicheskoye vozdeystviye: istoki proiskhozhdeniya i sushchnost ponyatiya [Information-psychological impact: Origins and essence of the concept]. Evraziyskoye soobshchestvo, (3), 83–89.